

ОБЩЕСТВО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ИСКУССТВЕННЫМ

Индекс УДК 342.156

Код ГРНТИ 10.07.23

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-123-04-15-24

Т.Я. ХАБРИЕВА*

Правовая социализация искусственного интеллекта и создание новой системы глобального управления

В статье проведён анализ процесса социализации технологии искусственного интеллекта и формирования правового регулирования отношений, связанных с его внедрением. Рассматриваются национальный, наднациональный и международный уровни регулирования, выявляются проблемы мировоззренческого, доктринального, политического характера, сопровождающие расширение сфер использования данной технологии. Представлен критический взгляд на положения Глобального цифрового договора, обозначены правовые и политические риски его применения. С опорой на философские исследования определены перспективы построения институциональных и правовых механизмов регулирования для полноценного функционирования ИИ в масштабах планеты.

Подчёркивается значение принципов равенства и справедливости для сохранения устойчивого правового порядка, соблюдения прав и свобод человека, сокращения технологического разрыва и разработки конструктивной стратегии развития техногенной цивилизации.

На основе сравнительно-правовой методологии сформулированы основные регулятивные подходы, складывающиеся в государствах и межгосударственных объединениях в сфере разработки и применения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: стратегия развития техногенной цивилизации, глобальный правовой порядок, цифровые технологии, устойчивое развитие, принципы равенства и справедливости, институциональные и правовые механизмы функционирования искусственного интеллекта

* **Хабриева Талия Ярулловна** — академик РАН, действительный член Международной академии сравнительного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента РАН, академик-секретарь отделения общественных наук РАН.
E-mail: office@izak.ru

Искусственный интеллект (далее – ИИ) как продукт технологического прогресса во многом определяет современную экономическую, технологическую и политическую повестку национальных государств, мирового сообщества и частного сектора в лице крупных транснациональных компаний. Он применяется в промышленности и сельском хозяйстве, на транспорте, в энергетике и связи, в областях охраны здоровья и управления человеческими ресурсами, финансовых, технической поддержки клиентов в банковском секторе, в военном деле, а также при осуществлении юридической и иной деятельности. Искусственный интеллект превзошёл человека в способности играть в шахматы и Го, получил беспрецедентное распространение в медиасфере и даже стал способен создавать произведения литературы и искусства. Сфера его внедрения постоянно расширяется.

По мере усиления значения ИИ в жизни людей сформировалась потребность в регулировании общественных отношений, связанных с его использованием. Первоначально в качестве регуляторного инструмента использовались этические нормы, объединённые в соответствующих кодексах, соглашениях разработчиков, принципах и рекомендациях¹. Наряду с этим начался процесс формирования правового регулирования. Он сопровождался концептуальной проработкой вопроса о правовой идентификации ИИ, его позиционировании в качестве объекта субъективных прав, средства регулирования, субъекта права. К настоящему времени ответ на него найден, правоведами предложены решения проблем правовой идентификации ИИ

Ил. 1. На пленарном заседании
Международной междисциплинарной конференции
«Искусственный интеллект и сознание»
в Российской академии наук. 23 октября 2024 г.

и правового регулирования его социализации, разработаны необходимые для этого юридические конструкции и прогнозы развития регуляторики. Практика пошла по пути юридического закрепления ИИ в качестве объекта прав (правовых режимов), хотя дискуссии относительно правосубъектности ИИ в доктрине продолжаются, и инструментальные возможности ИИ в правовом регулировании полностью не отрицаются [1] (ил. 1).

Правовая социализация ИИ в национальных правопорядках: человекоцентричный подход или обеспечение технологического лидерства

Право становится основной формой социальной регуляции отношений, связанных с ИИ. Появляется всё больше законодательных актов, специально регламентирующих его использование [там же]. Каждое государство делает свой выбор в вопросе введения законодательства о применении ИИ или отказа от него². Там, где активно формируется собственный

¹ Например, в России действует Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, создана Комиссия по его реализации. К нему присоединилось свыше 190 российских организаций и 15 зарубежных компаний.

² Главный аргумент, который приводится в обоснование отказа от правового регулирования в сфере ИИ, – создание благоприятной среды для глобального лидерства.

нормативно-правовой массив в рассматриваемой области, проявляется приверженность одному из двух подходов: 1) человекоцентричный, ориентированный на купирование рисков для человека, и 2) направленный на достижение технологического лидерства.

Ярким примером первого служит закон Европейского союза об ИИ (Акт ИИ, Artificial Intelligence Act¹), который призван обеспечить безопасность, прозрачность, экологичность и этичность использования ИИ в Европе. Он устанавливает риск-ориентированный подход к ИИ, формулирует обязательства для разработчиков и пользователей ИИ в зависимости от уровня риска, который он может создавать, фиксирует практики, запрещённые для ИИ². Этот закон стал первым в мире, детально регулирующим оборот систем, функционирующих на основе ИИ, ещё на проектной стадии послужил ориентиром для государств при создании национальных законов. С его принятием тренд на тиражирование реализованной в нём концепции расширился. Например, закон Республики Казахстан о ИИ в целом воспроизводит риск-ориентированный подход европейского акта.

В других государствах, в частности в США, используется второй подход, предполагающий обеспечение технологического лидерства. Закон о Национальной инициативе в области искусственного интеллекта 2020 г. (*The National AI Initiative Act*) предусматривает формирование сконцентрированной на федеральном уровне программы по ускорению исследований и внедрению ИИ для обеспечения эконо-

Ил. 2. Дискуссия «Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в образовании и науке» в рамках XII Петербургского международного юридического форума. 26 июня 2024 г.

мического процветания и национальной безопасности. Индия долгое время воздерживалась от создания соответствующей регуляторики, даже декларировала принципиальный отказ от законодательного регулирования ИИ в целях создания благоприятной среды для глобального лидерства в сфере технологий. В апреле 2025 г. стало известно, что Правительство Индии всё же намерено разработать закон, регулирующий применение ИИ, чтобы защитить интересы издателей новостей и создателей контента, а также минимизировать ущерб для пользователей³.

В Российской Федерации разработка закона об ИИ только анонсирована (ил. 2). Правотворчество развивается путём точечного внесения изменений в отдельные федеральные законы (Гражданский кодекс РФ; Налоговый кодекс РФ; Кодекс РФ об административных правонарушениях; Гражданский процессуальный кодекс РФ; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных тех-

¹ Принят Европейским парламентом 13 марта 2024 г.

² Системы ИИ с неприемлемым уровнем риска для безопасности людей будут строго запрещены. В эту группу войдут системы, основанные на подсознательных или целенаправленных манипулятивных методах, эксплуатирующие уязвимости людей или применяемые для социальной оценки (классификации людей в зависимости от их поведения, социально-экономического статуса, личных характеристик).

³ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/20452759>.

нологиях и о защите информации»; Федеральный закон 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и др.) [2].

Несмотря на разновекторность развития правового регулирования ИИ в национальных правопорядках, в научном дискурсе популярна тема угроз и рисков для человека и общества, которые возникают в ходе освоения ИИ. Обсуждение этой темы сопровождается прогнозами о приближении момента, когда ИИ превзойдёт человеческие способности, приобретёт способность к автономному существованию и выйдет из-под контроля человека.

ИИ как инструмент формирования новой глобальной системы управления: технологические, политические, правовые риски

7 февраля 2025 г. в преддверии глобального саммита по технологиям искусственного интеллекта в Париже известный канадский учёный в области машинного обучения Йошуа Бенджио (Yoshua Bengio) предупредил о возможности исчезновения человечества в течение 10 лет. Вместе с тем довольно мало внимания обращается на проблемы, сопряжённые с ИИ в качестве прокси-инструмента мировой политики и инструмента создания новой глобальной системы управления. Эта сторона технологии остаётся в тени прочих дискуссий о его опасности. В то же время данный аспект следует учитывать

при оценке перспектив социализации ИИ, а также при составлении прогнозов его влияния на жизнь людей и общества. В этом смысле показательно событие 2024 г., когда на Саммите будущего в Нью-Йорке Генеральная ассамблея ООН приняла Пакт во имя будущего, включающий Глобальный цифровой договор (далее – Договор)¹. Его идеология в части ИИ изложена в Докладе ООН, опубликованном 19 сентября 2024 г.².

Данное событие знаменует новый этап в развитии наднациональной практики регулирования ИИ. Речь идёт об этапе истории человечества, важным элементом которого станет формирование нового мирового порядка, в котором будут задействованы не только цифровые технологии, ИИ, но и система глобального управления сферой их создания, оборота и использования. Договор имеет всеобщий характер, охватывает важнейшие области жизни современного общества – от экономики до образования (ил. 3).

Попытки наднационального регулирования в области ИИ предпринимались и раньше³. Однако такая инициатива, как Глобальный цифровой договор, предложена миру впервые. Её реализация может существенным образом преобразовать не только статус ИИ, способы его распространения и применения, но и современное мироустройство. Договор и факт его принятия со всеми содержательными и процедурными условиями, а также неафишируемыми деталями выдвигает юридическую составляющую проблемы ИИ в важнейшую часть научной повестки.

Договор определяет цель: «создание инклюзивного, открытого, устойчивого,

¹ Пакт поддержали 143 страны, 15 стран воздержались, семь (Белоруссия, Иран, КНДР, Никарагуа, Россия, Сирия и Судан) проголосовали против.

² [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf.

³ Всего насчитывается более 100 разного рода документов, принятых на наднациональном уровне. См., например: Принципы искусственного интеллекта ОЭСР (2019 г.); Принципы искусственного интеллекта G-20 (2019 г.); Группа Совета Европы по разработке конвенции по искусственно-му интеллекту (2022–2024 г.); Заявление министров ГПИИ (2022 г.); Декларация Блетчли (2023 г.); Сеульское заявление министров (2024 г.).

справедливого, безопасного и надёжного цифрового будущего для всех», т.е. для всего человечества (для всех государств и народов).

Если в научно-правовом дискурсе необходимость международно-правового регулирования обосновывалась особой природой ИИ и потребностью защиты человека, то авторы Договора придают ему в большей степени инструментальное значение средства для достижения целей устойчивого развития. В меньшей степени акцент сделан на защите человека. И хотя в Пакте во имя будущего подтверждено, что все три основных направления деятельности ООН – устойчивое развитие, мир и безопасность, права человека в равной мере важны, взаимосвязаны, подкрепляют друг друга и ни одно из них не может существовать без остальных, данная деталь представляется существенной.

Достичь целей предлагается через так называемый *общественный договор* в сфере ИИ, с помощью которого планируется прийти к глобальному согласию по поводу режима управления. Однако таким образом рассматриваемый Договор юридически не является. Он принят не на основе консенсуса, как это должно быть в международном праве.

Семантическое наполнение Договора на первый взгляд предполагает мягкую регуляторику, но на самом деле в него заложено жёсткое, императивное регули-

Ил. 1. На пленарном заседании
Международной междисциплинарной конференции
«Искусственный интеллект и сознание»
в Российской академии наук. 23 октября 2024 г.

рование. Обозначенные в Договоре принципы¹, приоритеты², основные направления деятельности и институциональная основа выглядят довольно стандартно, сформулированы исходя из опыта работы по другим направлениям ООН (например, по ядерным технологиям). Однако они допускают возможность прямого давления на участников Договора. Например, статус универсального инструмента выявления недостатков на национальном уровне придаётся методологии оценки готовности к ИИ ЮНЕСКО, а функция по их устранению – международным государственно-частным центрам передового опыта в области ИИ³ [5]. В случае установления неэффективности использования националь-

¹ Закреплённые в договоре принципы формирования этих институтов объединяют установки на сотрудничество и в интересах всех и на благо всех: управление ИИ должно быть инклюзивным, осуществляться в интересах общества, строиться параллельно управлению данными и поощрению общедоступности данных, быть универсальным, сетевым и основываться на адаптивном сотрудничестве многих заинтересованных сторон, опираться на Устав ООН, международные нормы в области прав человека и другие согласованные международные обязательства, такие как цели устойчивого развития.

² В числе приоритетов в построении системы глобального управления ИИ заявлены международная стабильность, справедливое развитие, обеспечение согласованности в быстро формирующейся экосистеме международных мер и инициатив по управлению ИИ.

³ Заключительный отчёт консультативного органа высокого уровня по профессиональному интеллекту ООН «Управление искусственным интеллектом во имя человечества» (19 сентября 2024 г.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://governing_ai_for_humanity_final_report_ru_summary \(1\).pdf](http://governing_ai_for_humanity_final_report_ru_summary (1).pdf).

ных или переданных ресурсов вводится внешнее управление этими ресурсами, т.е. всеми или значительной их частью.

Важно обратить внимание на то, что предложенное миру регулирование предусматривает уже не социализацию ИИ в интересах человека, а создание институциональных и правовых механизмов для полноценного функционирования ИИ в масштабах планеты. По сути оно направлено не только на формирование глобального управления сферой ИИ, но и на создание мирового порядка, основанного на ранжировании участников Договора и скрытой дискриминации.

Как ранее отмечалось, Договор предполагает охват самого широкого спектра областей общественной жизни: технологической, экономической, гуманитарной. При этом возможна монополизация отдельными государствами и/или частными компаниями прав собственности, изготовления и администрирования оборота ИИ как важнейшего средства производства в грядущем, седьмом технологическом укладе и способа глобального доминирования. Очевидно, что начался процесс конструирования международно-правовых механизмов глобального управления и формирования мирового порядка, который изменит экономическую, возможно, и политическую мозаику мира, разделив ключевых акторов международных отношений по критерию отношения к основному средству производства. На это указывают положения Договора, в которых говорится о создании институциональной основы и правовых механизмов, обеспечивающих цифровизацию общества и среды его обитания для полноценного функционирования ИИ в масштабах планеты; о включении в цифровую экономику всех стран (их экономики и локализованных на их территории данных); о расширении сферы и предмета управления и регулирования в области ИИ (включение в неё оборота и хранения данных, образования, подготовки IT-специалистов, финансов суверенных государств и др.); об увеличении

управляемого рынка сбыта товаров и услуг для производителей и операторов соответствующих систем; о стандартизации в сфере цифровых технологий; о легализации инструментов глобального стратегического планирования национальных экономик и правовых порядков (по логике, определяемой наднациональными структурами), оценки готовности стран к внедрению ИИ, определения эффективности использования национальных ресурсов, внешнего управления ресурсами стран.

В предмет международно-правового регулирования ИИ включаются обеспечение равенства, прав и возможностей всех на доступ к ИИ для устраниния цифрового разрыва и содействия устойчивому развитию; инновационная деятельность; защита прав потребителей; образование и воспитание специалистов в области ИИ и других цифровых технологий; конкуренция и предпринимательство в цифровой сфере; электронная торговля; инвестиции; хранение и передача данных, цифровых технологий и проч. Важно, что допускается легальная возможность преодоления государственного суверенитета и вмешательства во внутренние дела. Так, в качестве одного из намерений участников Договора, оформленного как обязательство государств, определено «оказать содействие в обеспечении устойчивости странам, не обладающим достаточными возможностями для создания и полноценной эксплуатации ИИ, «включая принятие определяемых с учётом конкретных условий мер по повышению эффективности использования ресурсов (курсив мой. – Т.Х.) и по сохранению и использованию природных ресурсов». Данное положение следует толковать систематически с признанием глобального характера ресурсной базы для ИИ (которая трактуется максимально широко – от важнейших полезных ископаемых до обучающих данных, собираемых в мировом масштабе).

В результате вырисовывается следующая схема, которая потенциально может быть применена: наднациональная

структура проводит международный мониторинг готовности страны к ИИ посредством применения методики ЮНЕСКО. Насколько тенденциозно используются подобные инструменты наднациональными структурами, хорошо известно, в частности на примере деятельности ГРЕКО [3]. В случае установления неэффективности использования национальных или переданных ресурсов вводится внешнее управление этими ресурсами – всеми или значительной их частью.

Очевидно, что создаваемая основа глобального правового порядка в определённой сфере – цифровых технологий – способна перенастроить международный и национальные правопорядки в целом в соответствии с вектором, приоритетами и спецификой собственного развития (по образу и подобию влияния циклических правовых массивов [4] на правовую систему).

Конструируемая регуляторика отражает стратегию развития техногенной цивилизации, которую подробно характеризовал с учётом рисков в масштабах планеты академик РАН В.С. Стёpin [5]. Ценность «усиленного ускорения развития», в данном случае ИИ, культивирование технологического прогресса как бесспорного блага западного мира пропагандируются как всеобщие. Стандарты, которые внедряются (что является признаком императивного, а не мягкого регулирования), – это образцы, выработанные одной или несколькими культурами и продвигаемые под видом универсальных. Регулятивные новеллы нарушают принципы равенства и справедливости. В упомянутых документах ООН просматривается избирательность их применения. Например, в Заключительном отчёте консультативного органа высокого уровня по профессиональному интеллекту

ООН «Управление искусственным интеллектом во имя человечества» (19 сентября 2024 г.), выражающем идеологию цифрового договора, говорится, что для использования возможностей ИИ и благ, которые он позволяет получить, необходим доступ к талантам, вычислительным мощностям и данным. В то же время сказано о том, что «не каждому обществу нужны кадры специалистов по информатике для создания собственных моделей» и достаточно тех, кто понимает, как технология работает, как её обслуживать и применять.

Фактически развивающимся странам отводится место потребителей технологических продуктов и благ, но не равноправных партнёров в публичном и производственном секторах индустрии ИИ. Для государств так называемого глобального Юга ограничивается возможность создавать необходимые продукты и услуги, зато появляется чёткая перспектива получать готовые решения от западных корпораций (которые зачастую используют хищнические практики). Речь идёт о расширении рынка сбыта для ведущих производителей цифровых технологий и услуг (на что обратили внимание представители МИД России¹).

Новый виток неоколониализма – именно так оценивают эксперты модель миропорядка, зафиксированную в Глобальном цифровом договоре², что в ещё большей степени актуализирует проблематизацию смыслов равенства и справедливости.

Глобальный цифровой договор: критическая оценка в контексте обеспечения национального суверенитета и прав человека

Председатель Конституционного Суда РФ, профессор В.Д. Зорькин в 2018 г. на Пе-

¹ Доклад ООН о регулировании искусственного интеллекта. На что он влияет // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/09/2024/66eeccdd89a7947583b40da43?ysclid=m2zb3e1scx917994842.

² Данное мнение было высказано вице-председателем Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам профессором А.Х. Абашидзе в ходе публичной защиты диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук В.С. Маличенко «Международно-правовой режим передачи и доступа к технологиям здравоохранения» (Москва, ИЗИСП, 10 октября 2024 г.).

Ил. 4. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации
В.Д. Зорькина на XI Петербургском юридическом форуме. 12 мая 2023 г.

тербургском международном юридическом форуме говорил о метаморфозах справедливости в современном мире и международном праве [6]. В частности, он напомнил, что в своей основе (т.е. смысловом ядре) проблема справедливости раскрывается через категорию равенства. Право в свою очередь предстаёт как справедливый итог договора между равными. Причём равными участниками этого договора являются все, на кого распространяется данное право, а не некоторые «равнейшие» субъекты. Однако бенефициары глобалистского проекта давно вступили на путь эскалации неравенства и продолжают продвигать партикулярное представление о нём, которое отнюдь не обеспечивает максимальной свободы суверенных государств в рамках международного обще-ния. Напротив, в международном праве и практике международных отношений насаждается представление о справедливости, начисто лишённое связи с идеей равенства. По сути речь идёт о главном внутреннем напряжении идеи справедли-

вости, о конфликте между её индивидуалистической и солидаристской трактовками [там же] (ил. 4).

В Договоре обнаруживается ангажированность и нацеленность на утверждение эгоистических интересов наиболее сильных субъектов глобального взаимодействия. Подтверждением этому служит дискуссия, развернувшаяся в Париже в ходе саммита по развитию ИИ (10–11 февраля 2025 г.). На Саммите была подписана Декларация, призывающая обеспечить открытость, инклюзивность, прозрачность, этичность, безопасность и надёжность ИИ с учётом международных правовых норм и создать устойчивый ИИ для всех людей. Она содержит соответствующие принципы, а также установки для развития промышленности, улучшения сферы труда, укрепления международного сотрудничества по управлению ИИ. Её поддержали 60 стран, включая Францию, Индию, Японию, Австралию, Канаду и даже Китай, критикуемый Западом за нарушения прав человека. Однако американский

вице-президент Джей Ди Вэнс выступил с критикой европейских властей за «чрезмерное регулирование» ИИ и модерацию контента на интернет-платформах, что затрудняет доступ технологических разработок в области ИИ на европейский рынок и не устраивает США. В результате представители США и Великобритании отказались подписывать документ. При этом США не скрывают, что не будут против попыток ужесточения контроля над ИИ со стороны других стран.

Поведение официальных представителей США на саммите чётко отражает линию и цели, зафиксированные в Глобальном цифровом договоре. Анализ его положений выявляет несоответствие целей регулирования (управления) по оглашению и по умолчанию. Если по оглашению они сформулированы как создание общего блага для всех на основе равенства и справедливости, то по умолчанию выражаются в намерении получить контроль в сфере ИИ в национальных юрисдикциях (в мировом масштабе).

Заключение

Представляется, что навязываемая мировому сообществу модель глобаль-

ного порядка не только несправедливая, но и не устойчивая, созданная неким меньшинством, узурпировавшим ресурсы (включая природные, интеллектуальные, экономические, финансовые, информационные) государств и народов, монополизировавшим производство технологий, цифровых данных, их оборот, контроль за их созданием и использованием, а также за всеми сферами жизни общества и человека (медицина, образование, потребление и др.). На её основе может быть построен мир со строго иерархической глобальной системой управления, лишённый приватности для большинства, основанной на низвержении фундаментальных принципов равенства и справедливости, а значит, и права как их воплощения. Вместе с тем очевидно, что устойчивой с точки зрения должного миропорядка может быть лишь справедливость локального и глобального солидаризма равных. «Не право избранных на лучшую долю, а равное право всех на то, чтобы достойно войти в будущее» [7] – надёжная основа, на которой должен строиться правовой порядок как на глобальном, так и на национальном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник РАН. 2024. Т. 94, № 7. С. 609–622.
2. Хабриева Т.Я. Правовые очерки технологической революции. М.: Норма; Инфра-М; Российская академия наук, 2025. С. 89–132.
3. Хабриева Т.Я. Коррупция и правопорядок в фокусе современной юридической доктрины // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 5–13.
4. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.
5. Стёпин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М.: Отделение общественных наук РАН, Секция философии, политологии, социологии и права, 2018.
6. Зорькин В.Д. Справедливость – императив цивилизации права: лекция, состоявшаяся в рамках Петербургского международного юридического форума 17 мая 2018 г. // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14.
7. Зорькин В.Д. Справедливость – императив цивилизации права // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=885>.

Legal Socialization of Artificial Intelligence and the Creation of a New Global Governance System

Taliya Yarullovna Khabrieva — Academician of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the International Academy of Comparative Law, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: office@izak.ru

This article analyzes the process of socializing artificial intelligence technology and the formation of a legal framework governing its implementation. It examines regulatory efforts at the national, supranational, and international levels, identifying ideological, doctrinal, and political challenges that accompany the expanding use of this technology. The article provides a critical review of the provisions within the Global Digital Compact and outlines the associated legal and political risks of its implementation. Drawing on philosophical research, it identifies prospects for building the institutional and legal mechanisms required for the full-fledged functioning of AI on a global scale.

The importance of the principles of equality and justice is emphasized for maintaining a sustainable legal order, upholding human rights and freedoms, reducing the technological divide, and developing a constructive strategy for the advancement of a technological civilization is emphasized.

Using comparative legal methodology, the article formulates the main regulatory approaches emerging within states and interstate associations concerning the development and application of artificial intelligence.

Keywords: strategy for the development of a technogenic civilization, global legal order, digital technologies, sustainable development, principles of equality and justice, institutional and legal mechanisms for the functioning of artificial intelligence

REFERENCES

1. Khabrieva T.Ya. Pravovye problemy identifikatsii iskusstvennogo intellekta // Vestnik RAN. 2024. T. 94, № 7. S. 609–622 (in Russian).
2. Khabrieva T.Ya. Pravovye ocherki tekhnologicheskoi revolyutsii. M.: Norma; Infra-M; Rossiiskaya akademiya nauk, 2025. S. 89–132 (in Russian).
3. Khabrieva T.Ya. Korruptsiya i pravoporyadok v fokuse sovremennoi yuridicheskoi doktriny // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 4. S. 5–13 (in Russian).
4. Khabrieva T.Ya. Tsiklicheskie normativnye massivy v prave // Zhurnal rossiiskogo prava. 2019. № 12. S. 5–18 (in Russian).
5. Styopin V.S. Sovremennye tsivilizatsionnye krizisy i problema novykh strategii razvitiya. M.: Otdelenie obshchestvennykh nauk RAN, Sektsiya filosofii, politologii, sotsiologii i prava, 2018 (in Russian).
6. Zor'kin V.D. Spravedlivost' – imperativ tsivilizatsii prava: lektsiya, sostoyavshayasya v ramkakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma 17 maya 2018 g. // Voprosy filosofii. 2019. № 1. S. 5–14 (in Russian).
7. Zor'kin V.D. Spravedlivost' – imperativ tsivilizatsii prava // [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=885> (in Russian).